

18+

КРИСТИН ЭВАНС

БРАТЯ

Кристин Эванс

Братья

«Издательские решения»

Эванс К.

Братья / К. Эванс — «Издательские решения»,

Вера, выросшая без отца и привыкшая всего добиваться сама, приезжает в провинциальный город к своей тетке. Та знакомит ее со своим сыном Сергеем — успешным, спокойным, надежным мужчиной, который старше Веры. Сергей воплощение стабильности, которой так не хватало Вере. Их отношения развиваются ровно и предсказуемо. Но идиллия рушится когда из тюрьмы возвращается младший брат Сергея — Артур.

© Эванс К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Братья

Кристин Эванс

© Кристин Эванс, 2026

ISBN 978-5-0070-3212-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Поезд тащился сквозь дождь уже восьмой час. Вера прижималась лбом к холодному стеклу, наблюдая, как за мутной пеленой воды мелькают перелески, полустанки с облупившейся краской на скамейках и бесконечные поля, распаханые так, будто их кто-то наспех причесал огромными граблями.

Мегаполис с его вечной гонкой, стеклом и бетоном остался где-то там, за горизонтом, превратившись в нервную точку на карте памяти. Там осталась разорванная связь с мужчиной, который год кормил её завтраками, обещаниями развестись и прочей ложью, которой Вера, сама себе удивляясь, почему-то верила. Позавчера она поставила точку. Собрала чемодан, вызвала такси и уехала на вокзал, не обернувшись. Здесь, в этой сырости за окном, время текло как патока.

Она сошла с поезда под мелкую морось, и первое, что ударило в нос, — запах мокрой листвы и тишина. Не тишина стерильной квартиры, от которой звенит в ушах, а живая, с шорохом шин по мокрому асфальту, далеким петушиным криком и гулом проходящей фуры. Городок встретил её увяданием позднего лета. Здесь всё было по-настоящему: лужи, в которых отражалось свинцовое небо, рябина, гнувшаяся к земле под тяжестью гроздьев, и бабки, торгующие семечками у вокзала.

Тетя Зина ждала на перроне, маленькая, круглая, в платке и вязаной кофте. Увидев Веру, она всплеснула руками, словно отгоняла невидимую беду, и прижала племянницу к пышной груди. От неё запахло домом — свежееиспечённым хлебом, старым деревом и духами, с запахом, который Вера помнила с детства.

— Худая-то какая, господи, — причитала тетка, пока они шли к старенькой «шестерке», припаркованной у вокзала. Сквозь капли дождя Вера разглядела, что машина вся в мелких вмятинах и ржавчине, но тетя Зина водила её с гордостью, как иномарку. — Совсем себя не бережешь в своей Москве. Глаза впали, под ними круги. Мужик, что ли, обидел?

— Теть Зин, всё нормально, — Вера попыталась улыбнуться, но вышло криво. — Просто устала.

— Ничего, тут откормим. Воздух у нас, знаешь, какой? Не то что ваша гарь. Я тебя в баньку свожу, веничком березовым... Душу и тело отмывать надо.

«Душу отмывать» — Вера невольно вздрогнула. Уж слишком точно тетя попала в точку.

Дом тети Зины оказался таким же уютным, как она сама: резные наличники, скрипучая калитка, герань на подоконниках. Внутри пахло пирогами с капустой и нафталином. Старые фотографии в рамках на комод, кружевные салфетки на телевизоре, мурлыкающий кот на печи. В углу висела икона с потускневшим окладом. Вера всегда удивлялась, как тетя сочетает советский атеизм с этой глубокой, деревенской верой.

— Ты располагайся, отдыхай с дороги, — суежилась тетя. — Я тебе комнатку приготовила, где окна в сад. Там яблони скоро поспеют, будешь утром просыпаться — дух такой стоит, сладкий-сладкий. А вечером с Сережей познакомишься. Сын мой, не далеко живет.

Вера, разбирающая чемодан в маленькой комнатке с окном в сад, напряглась. Она знала этот тон. Сваха в тетке казалось никогда не умирала.

— Теть Зин, я вообще-то не за этим, — осторожно начала она, выглядывая из комнаты. — Мне бы просто побыть одной. Отойти немного, в себя прийти.

Тетя Зина только рукой махнула, продолжая вытирать пыль с серванта:

— Молчи, молчи. Я всё понимаю. Карьера, самостоятельность. А душа, она тепла хочет. Ты на мать свою посмотри: всю жизнь одна, на двух работах пахала, никого рядом. Хочешь так же под старость? Сергей — мужик золотой. Спокойный, как танк. Руки золотые, дом — полная чаша. У таких, как он, жены не работают, только цветочки на окнах поливают да детей растят.

— Спокойный, как танк, — мысленно повторила Вера, и ей почему-то стало грустно до тошноты.

Вечером она увидела Сергея.

Он ждал их в местном кафе, которое больше походило на столовую с претензией на уют: пластиковые цветы в вазах, тяжелые бордовые портьеры и запах жареных котлет, въевшийся в стены и интерьер. Сергей поднялся из-за столика у окна — высокий, широкоплечий, в светлой рубашке с коротким рукавом, открывающей крепкие, волосатые предплечья. Лицо простое, русское, с легкой проседью на висках и спокойными, чуть усталыми глазами человека, который видел в этой жизни всё и давно перестал удивляться.

— Вера, — сказал он просто, протягивая руку. Ладонь была сухой, теплой и очень надежной. — Садись, заказывай, что хочешь. Здесь неплохо готовят и вкусно. Мама много о тебе рассказывала.

Он не врал. Говорил мало, слушал внимательно, кивал. На столе появился скромный букет астр — «мама сказала, ты любишь астры», и бутылка хорошего вина, не кислятины из местного магазина. Сергей был предсказуемо галантен: поправил стул, налил вино, спросил про работу. Ни одного лишнего жеста, ни одного острого слова. Всё по программе: «Знакомство с потенциальной невестой».

Вера рассматривала его руки, лежащие на столе. Крупные, с ровными пальцами, аккуратно постриженными ногтями. Руки человека, который привык работать, но давно уже руководит процессом. Руки, которые не сжимаются в кулаки от злости, а только берут, держат, дают.

— А вы давно здесь живете? — спросила она, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

— Всю жизнь, — кивнул Сергей. — Здесь родился, здесь, наверное, и помру. Дом построил, дерево посадил, теперь сына надо бы, — он улыбнулся, но глаза остались серьезными. — Не судьба пока. Жена ушла от меня. Сказала, что я слишком скучный. Что ей огня хочется, страсти. А я человек простой. Работа-дом, работа-дом. Не углядел видимо.

— Не углядели что? — переспросила Вера.

— Она к проезжему ушла. К торговому представителю из Рязани. С ним, наверное, весело, — в голосе Сергея не было горечи, только констатация факта. — Я для себя вывод сделал: что ни делается все к лучшему.

Тетя Зина согласно закивала, бросив на Веру многозначительный взгляд.

А Вера смотрела в окно на мокрую улицу, на фонарь, качающийся на ветру, и слушала тихий, ровный голос Сергея. Внутри было пусто. Ни бабочек, ни волнения, ни даже любопытства. Только ровное, спокойное тепло, как от натопленной печи.

«Может, это и есть счастье? — подумала она, допивая вино. — Когда не больно? Когда не нужно бежать, бороться, доказывать. Просто плыть по течению рядом с таким танком, который не даст пропасть. Огонь, пожары, кажется, я уже горела достаточно».

Она вспомнила отца, которого видела только в детстве. Мать, вечно уставшую, тянущую лямку в одиночку, её горькое: «Баба должна быть сильной, Вера, надеяться не на кого». Всю жизнь она строила эту крепость самостоятельности, а сейчас вдруг поняла, как устала держать эти стены. Кирпичик за кирпичиком — и всё впустую. Сергей был не тем, от кого замирает сердце. Он был тем, с кем это сердце можно было, наконец, выключить из режима вечной тревоги.

Провожая их до калитки, он вежливо поцеловал её в щеку. Губы были сухими и теплыми.

— Завтра можно позвонить? — спросил он утвердительно.

— Да, — кивнула Вера. — Конечно.

Ночью ей приснился странный сон. Она стояла посреди пустой комнаты, а кто-то ломился в дверь. Удары были тяжелыми, ритмичными, от них вибрировали стены и сыпалась побелка с потолка. За её спиной стоял Сергей. Он просто стоял, сложив руки на груди, и смотрел на дверь. Спокойно, даже отрешенно. Вера обернулась к нему, хотела закричать: «Сделай же что-

нибудь!», но голос пропал. А Сергей стоял и молчал, огромный, надежный, как танк, который не может свернуть с пути.

Она проснулась в холодном поту. За окном всё так же моросил дождь, и старый кот скребся в дверь, требуя еды. Вера долго лежала, глядя в потолок, и слушала, как стучит сердце.

Глава 2

Следующие две недели текли размеренно, как вода в реке, на которую Сергей периодически возил Веру. Он сдержал слово: звонил каждое утро, интересовался делами, не навязываясь, но присутствуя. Именно присутствуя — плотно, материально, как стена дома, к которой привыкаешь и перестаешь замечать, пока она цела.

Однажды они поехали на реку. Сергей достал из багажника «Тойоты» плед, термос с чаем, бутерброды с домашней колбасой, которую дала тетя Зина. Он расстелил плед на сухом пригорке, помог Вере сесть, сам устроился рядом, но на почтительном расстоянии. Вода была темной, зеркальной, в ней отражались верхушки сосен. Где-то далеко стучал дятел. Вера пила чай и чувствовала, как напряжение последних лет потихоньку отпускает позвонки. Позвонок за позвонком, как будто разжимаются тиски.

— Хорошо здесь, — сказала она. — Тихо.

— А мне всегда казалось, что тишина — это роскошь, — ответил Сергей, глядя на воду. — В городе её не купишь и за деньги. Там всё гудит, звенит, все спешат. А здесь пожалуйста, бесплатно. Бери — не хочу. Только вот люди разучились её брать, да и не хотят. Им подавай шум, а тишина им не нужна.

Он познакомил её со своим кругом. Это были такие же ровные, спокойные люди: сослуживцы с автобазы, где он работал, сосед по гаражу, семья школьного друга. Шашлыки, негромкие разговоры о политике, ценах на бензин и новостях по телевизору. Женщины обсуждали рецепты заготовок на зиму, хвалили Сергея: «Золотой мужик, смотри Вера, не упusti. С ним, как у Христа за пазухой». Мужчины кивали: «Серёга башковитый и рукастый, с ним не пропадешь. Если что — и движок переберет, и крышу перестелет».

Вера сидела в шезлонге, улыбалась, кивала и чувствовала себя музейным экспонатом, которого осматривают и одобряют. Ей было тепло и скучно одновременно. Но она держала лицо. Потому что это было правильно. Потому что тетя Зина светила от счастья, глядя на них. Потому что мать, позвонив вечером, впервые за долгое время вздыхала в трубку не с раздражением, а с облегчением: «Хоть у тебя, дочка, всё налаживается. А то я уж думала, век будешь мыкаться одна».

Она работала удаленно. Ноутбук стоял на старом тетином столе, и Вера с удивлением обнаружила, что в этой тишине мысли не разбегаются, как тараканы от света. Она успевала сделать всё за четыре часа, а потом подолгу смотрела в окно на сад, где яблоки уже налились красным, на то, как кот охотится на воробьев, и думала.

Она думала о том, что можно было бы остаться. Купить здесь домик, работать на удаленке, родить ребенка. Сергей будет хорошим отцом — терпеливым, надежным, не пьющим, не гулящим. Он не бросит, не предаст, не уйдет в запой или к другой. С ним можно состариться и умереть спокойно, зная, что ты как за каменной стеной. Именно об этом всегда мечтала её мать. Именно этого у матери не было.

Но по ночам сон возвращался. Кто-то ломился в дверь. Удары становились всё глубже, всё тяжелее. Дверь прогибалась, трещала, с потолка и стен летела штукатурка. А Сергей стоял за спиной, и Вера чувствовала его тепло, но понимала: он не пошевелится. Он будет стоять и смотреть, как дверь разлетается в щепки. Не потому, что трус. А потому что его программа — держать оборону, а не атаковать. Он танк, он просто везет груз. Даже если груз — твоя жизнь.

— Расскажи, чего ты боишься? — спросил он однажды, заметив её отрешенный взгляд, когда они сидели на веранде и пили чай с мятой.

— Темноты, — соврала Вера. — С детства. Мама на работе задерживалась всегда допоздна, я одна дома боялась оставаться. Привычка.

Он понимающе кивнул и на следующий день купил ей ночник. Маленький, керамический, в виде домика с окошками, которые светились изнутри теплым оранжевым светом. Вера поставила его на тумбочку и каждую ночь смотрела, как свет рисует на стене уютный круг. Свет теперь был, но страх все равно оставался. Потому что она боялась не темноты. Она боялась того, что могло прийти из темноты. Того, что ломилось в дверь. Того, что однажды уже сломало её мать, заставив всю жизнь быть сильной. Того, о чем говорят шепотом: настоящей, дикой, разрушительной жизни.

В один из вечеров Сергей пришел с букетом роз из своего сада — крупные, темно-бордовые, с бархатными лепестками. Тетя Зина всплеснула руками и тут же испарилась на кухню, гремя посудой. Он сел напротив, взял её руки в свои. Ладони у него были чуть влажные, чувствовалось что он сильно волновался.

— Вера, — сказал он серьезно. — Я не умею красиво говорить. Я человек простой. Но я хочу, чтобы ты знала: я тебя не обижу. Буду беречь как зеницу ока. Выходи за меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.